

**ОТЗЫВ
официального оппонента**

**на диссертацию Заладиной Марины Владимировны
«Социально-философский анализ духовного отчуждения»,
выполненную в Федеральном государственном бюджетном
образовательном учреждении высшего образования
«Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата философских наук
по специальности 09.00.11 – Социальная философия**

Социально-философский анализ духовного отчуждения и его форм, который представлен в диссертационном исследовании М.В. Заладиной, весьма востребован и актуален в настоящее время, причем не только в свете неомарксистских концепций, но и в рамках философии науки и техники, а также «культурной критики» современности. В эпоху информационного общества отчуждение, когда в результате опредмечивания своей сущности человек не узнает себя в своём продукте, когда продукт превращается в чужой, «не свой», в «противостоящий ему в качестве независимой силы», – обостряется в первую очередь в духовной сфере, включающей научные, политические, правовые, моральные, психологические, религиозные, художественные отношения.

Необходимость исследования проблемы духовного отчуждения в современном мире обусловлена также феноменом глобализации, размывающей традиционное мироустройство, установками общества потребления, характерными для позднего капитализма, стремительным прогрессом в науке и технике, глубоким социальным неравенством, заметным регрессом моральных, физических, интеллектуальных, творческих характеристик человека и др.

Диссертация М.В. Заладиной состоит из введения, трёх глав, включающих семь параграфов, заключения и библиографического списка, состоящего из 251 наименования, из них 16 на иностранном языке. Общий объём работы составляет 155 страницы.

Во введении раскрыты актуальность темы, степень её разработанности, объект и предмет исследования, его цель и задачи, теоретико-методологические основания работы, её научная новизна, основные положения диссертации, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования, а также аprobация результатов, структура и объём работы.

В первой главе «Исследование духовного отчуждения: теоретико-методологические основания» рассматривается эволюция базового понятия «отчуждение», раскрывается его содержание в историко-философском и современном смысле, выявляются методологические основания анализа проблемы отчуждения и его конкретных форм, в том числе духовного отчуждения.

В первом параграфе «Понятие «отчуждение»: становление и содержание» автор отмечает, что философской категорией понятие отчуждения становится в Новое время. В европейской классической философии сформировались две версии концептуального понимания отчуждения – идеалистическая и материалистическая. Важным вкладом является понимание Гегелем того, что отчуждение – неизбежная закономерная сторона развития, имеющая противоречивый характер. Фейербах раскрыл источники, природу и смысл существования религии как духовной формы отчуждения. Маркс осмыслил содержание отчуждения как действительного общественного отношения, имеющего экономико-материальные корни, экономическую природу, практико-политические пути упразднения.

Западная философия XX века представила иной мировоззренческий подход к пониманию проблемы отчуждения. В рамках иррационалистических концепций отчуждение толкуется преимущественно психологически и субъективистски. Автор подробно рассматривает взгляды Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, А. Камю, К. Ясперса, Н.А. Бердяева, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Фромма и отмечает их гуманистическое прочтение проблемы отчуждения.

Во втором параграфе первой главы «Современное решение проблемы отчуждения и его методологические основания» раскрываются основы современного понимания проблемы отчуждения. В широком смысле это марксистский анализ отчуждения, который вывел исследование проблемы из спекулятивной плоскости в реальную, и новое обращение к рассмотрению проблемы отчуждения сквозь призму классового сознания, осуществлённое Д. Лукачем в 1920-е годы. Теоретическое осмысление отчуждения в узком смысле обнаруживается в западной и советской философии середины XX века в работах Э. Фромма, Г.С. Батищева и М.К. Мамардашвили, которые видят пути преобразования отчуждённых состояний в неотчуждённые в любви, творчестве и познании.

М.В. Заладина верно подмечает, что распад СССР и прекращение Варшавского договора в 1990-е годы спровоцировали появление тенденций, усиливающих отчуждение, в частности активизацию межэтнических конфликтов. В настоящее время глобализация, рост социального неравенства, локальные военные конфликты, массовая миграция, ускоряющийся научно-технический прогресс усиливают проблему отчуждения, ведут к возникновению новых его форм, особенно в области духовной жизни (с. 35).

В своём диссертационном исследовании автор опирается на определение, согласно которому отчуждение есть характеристика особой формы взаимоотношений человека в процессе его жизнедеятельности с окружающим миром, при котором продукты собственной деятельности противостоят человеку, господствуют над ним как нечто чуждое ему (с. 37). Отчуждение рассматривается в трёх ракурсах: как конкретная проблема, существующая в реальности во множестве форм, как абстрактное понятие и как идеологема. Конкретные формы отчуждения, в том числе духовное отчуждение, эволюционируют, создавая переплетение различных отчуждённых состояний.

Вторая глава «Конкретные формы духовного отчуждения как объект философской рефлексии» посвящена вопросам структуры отчуждения и места в этой структуре форм духовного отчуждения.

В первом параграфе второй главы «Проблема структуры отчуждения» отмечается, что отчуждение присутствует во всех основных сферах общества – в экономике, политике, социальной и духовной жизни. Согласно К. Марксу, определяющим, базисным видом отчуждения является экономическое отчуждение. Именно оно детерминирует возникновение социального, политического, идеологического отчуждения, к которому относится религиозное, моральное, правовое и художественное отчуждение. Классический марксистский подход привлек автора наличием адресной привязки конкретных форм отчуждения к материальному либо духовному бытию, а также чёткой структурированностью отчуждения, что позволяет охватить большую группу конкретных форм (с. 48).

Несмотря на это, М.В. Заладина считает также возможным рассмотреть структуру отчуждения в рамках глобального подхода, исходя из постулата существования природы, общества и человека как совместно развивающихся системных образований. С точки зрения принципа универсального эволюционизма, структура отчуждённых состояний включает в себя формы, существующие в границах систем «природа – общество», «общество – человек» и «человек – человек». Например, система «природа – общество» выдвигает экологическую и техногенную формы отчуждения. Система «общество – человек» представлена политико-правовым и стратификационным отчуждением, эксплуатацией и до сих пор не изжившим себя рабством, в том числе сексуальным. Система «человек – человек» выявляет наличие психологического отчуждения, в том числе различного рода дискриминационных отношений между людьми.

Во втором параграфе второй главы «Духовное отчуждение: проявления и тенденции развития» в качестве аксиомы выдвигается следующее утверждение: «В формах, относящихся к духовной сфере, то есть в религиозных, политических, правовых, моральных, научных, психологических, художественных отношениях, деятельности и сознании, имеет место отчуждение от индивидов их духовной деятельности» (с. 49). Любой продукт духовной деятельности опредмечен, объективирован в языке или иных семиотических системах, а соответственно, он получает самостоятельное существование, отчуждённость, независимость от своего творца.

В этом же параграфе автор кратко характеризует конкретные формы духовной деятельности и отчуждение в них (религиозная практика, семейные отношения, политическая деятельность, художественная жизнь и др.), особо останавливаясь на их проявлениях и тенденциях развития в современную эпоху.

Например, отмечая влияние глобализации на трансформацию проявлений религиозного отчуждения, автор пишет о смене статуса и функций религии, устраниении культурных и национальных перегородок, взаимопроникновении религиозных традиций, что ведёт к отчуждению этносов и наций от

конфессиональных традиций вероучения предков (с. 50). Соглашаясь с автором, хотелось бы добавить, что параллельно с этими тенденциями в некоторых случаях (например, среди многих представителей коренных народов Поволжья, прежде всего марийцев и чувашей) обращение к традиционным этническим религиям (возрождение старинной религиозной практики и актуализация учения предков) выступает как форма смягчения или даже снятия иных форм духовного отчуждения (политического, правового, идеологического, культурного). Этот момент ещё раз подтверждает, что отчуждение – закономерная сторона развития и имеет противоречивый характер.

В третьей главе «Центральные формы духовного отчуждения: сущность, конкретные проявления, пути снятия» отдельно рассматриваются такие формы духовного отчуждения, как отчуждение в науке, морали и утопии, и осуществляется поиск способов снятия отчуждения в этих сферах духовной жизни общества.

В первом параграфе третьей главы «Формы духовного отчуждения в науке» автор утверждает, что в науке так же, как в религии, политике и иных духовных формах, результат деятельности отчуждается от индивидов и может им противостоять, поэтому с полным правом можно говорить о наличии здесь отчуждения (с. 61).

Один из аргументов – отсутствие духовности в современной науке. «Традиционно характеризовавшая настоящего учёного высокая духовность, альтруистическая способность к бескорыстному служению человечеству, в таких условиях, в обществе всеобщего потребления, закономерно становится скорее исключением, чем правилом» (с. 64). Духовность уходит из науки также и в результате того, что многие научные функции передаются технике, в том числе воспроизведение знаний среди нового поколения. Между тем, как верно замечает М.В. Заладина, компьютерная культура провоцирует опасный дефицит рефлексии и аналитического мышления, а онлайн-образование, которое актуализировалось в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, желательно использовать всё же в качестве не основной, а дополнительной формы получения знаний с целью минимизации отчуждения.

Интересно автор решает вопрос снятия отчуждения в сфере науки. Невозможно утверждать достижимость полного преодоления отчуждения в науке, поскольку она, ввиду своей объективированности, опредмеченности своих результатов и самостоятельности своего существования, вряд ли сможет когда-либо утратить свой отчуждённый статус, но возможно смягчение и даже снятие отдельных проявлений отчуждения в науке «посредством демократизации её организации, гуманитарной экспертизы как элемента любого научно-технического проекта, гуманизации применения её результатов, осознания необходимости для науки быть самостоятельным субъектом информационной среды, с использованием новейших технологических достижений, а также развития этики науки как сферы пересечения науки и морали» (с. 81).

Во втором параграфе третьей главы «Формы духовного отчуждения в морали» отмечается, что моральный аспект – один из важнейших среди многих других составляющих многогранного явления глобального отчуждения личности. Социальной предпосылкой морального отчуждения индивидов друг от друга является частнособственнический, эгоистический интерес (с. 83). В обществе потребления меркантильный интерес стал основным мотиватором человеческих поступков.

Одним из проявлений отчуждения в сфере морали автор считает появление принципиально иного типа личности – актора, носителя чистой рациональности, без оглядки на чувства и моральные ценности. «Понятие актора, введённое в социологию ещё в начале XX века, как нельзя лучше подходит для характеристики особого, имманентного современной рыночно-технологической эпохи, исторического типа человека, бездушного профессионала, стремящегося больше к комфорту, чем к поискам счастья или смысла жизни» (с. 83).

Не вызывает возражения утверждение, что нормы, принципы, санкции и требования морали воспринимаются современными людьми как наложенные извне, поэтому человек следует моральным правилам просто формально, напоказ. По мнению автора, эта лицемерная установка по отношению к моральной норме – яркое проявление отчуждения в духовной сфере (с. 84).

Третий параграф третьей главы «Утопия как форма духовного отчуждения» раскрывает положение о том, что утопия возникает как результат отчуждения индивида от природы, от общества и от своей собственной сущности. Потребность в создании утопии связана с тем, что человек не в состоянии реально управлять ни экономическими, ни политическими силами, действующими в социуме.

Воспроизводство утопического типа сознания служит своеобразным охранительным, «психотерапевтическим» ответом на вызовы многосложного и агрессивного мира, в котором вынужден пребывать человек. Утопия компенсирует отчуждённость, неудовлетворённость собственной жизнью и существующими социальными отношениями, помогая обрести в своих фантазиях то, что нереально получить в наличном бытии (с. 99).

Что касается утопического типа мышления, то пути снятия отчуждения здесь автор видит в научном прогнозировании тенденций общественного развития, адресном определении социальных слоёв, посредством деятельности которых возможны соответствующие социальные преобразования, а также в принятии мер социальной, а не утопической инженерии.

В заключении диссертации М.В. Заладина подводит итоги исследования, обобщает теоретические выводы, показывает теоретическое и практическое значение полученных результатов.

К сильным сторонам диссертационного исследования можно отнести:

1. Основу методологии исследования проблемы отчуждения в диссертации составляет диалектический метод. Автор обоснованно утверждает, что адекватное рассмотрение сущности духовного отчуждения, его форм и их исторической трансформации требует применения диалектики с её базовыми

принципами всеобщей взаимосвязи, причинности, развития, историзма, всестороннего рассмотрения всех противоречивых аспектов развития явлений действительности (с. 80). Отсюда следует новаторский вывод, что отчуждение обладает не исключительно негативным, а двойственным, то есть одновременно и позитивным, и негативным смыслом, что подтверждает его закономерный характер.

2. Импонирует позиция автора, согласно которой отчуждение не может быть рассмотрено как явление, присущее исключительно капиталистической формации, или как явление, присущее только антагонистическим обществам (с. 36). Отчуждение более широко представлено в истории, причем в самых разнообразных формах, а не только как явление, обладающее сугубо экономической природой. Ход человеческой истории продемонстрировал, что снятие форм капиталистического отчуждения не устраняет отчуждение как общественное отношение. В диссертации автору удалось доказать свою гипотезу, что под влиянием новых факторов формы отчуждения, в том числе духовного, трансформируются (смягчаются или устраняются), либо возникают иные формы.

3. Автор рассматривает формы духовного отчуждения, присутствующие в науке, морали и утопии, как наиболее важные в плане функционирования современной общественной системы (с. 58). Аргументация такого выбора логична и убедительна: любая философская система направлена на осмысление мира (что невозможно без данных науки), на создание моральных принципов существования в мире (по И. Канту, практическая философия должна основываться на категорическом императиве) и на конструирование идеального образа мира в качестве сверхцелей (присутствие элементов утопии в мышлении).

Автор верно подмечает, что научно-технический прогресс вкупе с ориентированными на науку социальными преобразованиями (включая глобализацию экономики, массовизацию культуры, цифровизацию жизни, трансгуманизм) не только не привели ко всеобщему процветанию, но постоянно порождают кризисные явления в обществе, связанные с усилением духовного отчуждения, прежде всего морального.

4. В диссертации явно прослеживается моральный настрой автора на сохранение гуманистических традиций в современном обществе и преодоление антропологического кризиса, разразившегося во многих странах мира на рубеже XX-XXI веков. М.В. Заладина (кажется, целенаправленно) проводит эту линию, сопровождая ее теоретическими сентенциями и практическими рекомендациями. Например, в рассуждениях о перспективах развития искусственного интеллекта она напоминает, что для человека, в отличие от машины, основные побудительные мотивы лежат не в интеллекте, а в смысложизненных стратегиях, в духовных ценностях, в том числе нравственных, и сожалеет, что в рамках проблемы «научения интеллектуальных технических систем эмоциям, никто пока даже не упоминает о духовно-нравственной составляющей, которую исключительно важно было бы заложить в искусственный интеллект» (с. 74).

Прикладной аспект исследования ярко выражается в четкой артикуляции конкретных действий, направленных на преобразование сложившейся ситуации в духовной жизни общества. Например, анализируя проблему отчуждения результатов научной деятельности, автор упоминает о неправильной интерпретации мультимедийным пространством знаний, создаваемых наукой, что ведёт к снижению её престижа и уровня доверия общества в целом к научной деятельности. Дискредитации научного метода можно избежать, если сама наука станет субъектом информационно-медийной среды с использованием новейших технологических достижений. Для этого ученым нужно начать пользоваться медиа-площадками для реальных классических научных дискуссий (с. 73).

5. Отдельно хочется похвалить диссертанта за использование в исследовании новейших источников философской информации – как отечественных, так и зарубежных. Например, анализируя проблему усиления отчуждения при онлайн-образовании, автор обращается к материалам круглого стола «Какое образование для нас ценно?», опубликованным в 2018 году в журнале «Вопросы философии». При раскрытии новых тенденций религиозного отчуждения автор ссылается на доклад Римскому клубу 2018 года «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet» (Да ладно! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты), приуроченный к 50-летию создания организации и подготовленный Э.У. фон Вайцзеккер и А. Вийкман. Рассматривая экологическую и техногенную формы отчуждения, наблюдающиеся сегодня в рамках функционирования системы «природа – общество», автор прибегает к дискуссиям, которые велись на XXIV Всемирном философском конгрессе «Learning to Be Human» (Учиться быть человеком) в Пекине в 2018 году (с. 48). Многие англоязычные цитаты М.В. Заладина приводят в собственном переводе.

В целом, автору удалось достигнуть цели исследования, решить поставленные задачи. Диссертация является самостоятельным и цельным трудом, представляющим собой многоплановое, комплексное исследование проблемы духовного отчуждения и форм его проявления в историческом и современном планах. Структура работы логична. Выводы носятзвешенный и продуманный характер. Их новизна не вызывает принципиальных возражений.

Несмотря на отмеченные достоинства, представляется возможным высказать некоторые замечания:

1. При решении задач диссертационной работы автор опирается на марксистский подход, на концептуальное описание развития учения об отчуждении в классическом марксизме и неомарксизме. Такой подход правомерен, однако сущность социального выявляется не только посредством обращения к классическим социальным теориям и их новой интерпретации, но и из осмыслиения новых ситуаций, поисков их объяснений с использованием современных теоретических средств. С этой точки зрения выглядит упущением игнорирование постмодернистских взглядов на феномены современного общества и культуры. Можно не соглашаться с классиками постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, М. Фуко и др.) в трактовке проблем

социальной философии, но анализ их исследовательских подходов может оказаться весьма полезным. Было бы интересно узнать, как автор соотнесёт утверждения Бодрийяра «отчуждённости больше не существует», «конец утопии о преодолении отчуждённости», «по ту сторону зеркала отчуждённости», «смертоносная вирусная Отчуждённость», которые встречаются в его книге «Прозрачность зла», с марксистскими концептами «отчуждение», «снятие отчуждения», «отчуждение человека от своей сущности» и др.

2. Автор использует в работе термин «общество потребления», введённый в философский оборот Ж. Бодрияром в 1970 году, и утверждает, что в обществе потребления созданные человеком предметы от него отчуждаются и получают над ним определённую власть. Производимый самим человеком мир вещей подчиняет его, превращая в «слугу вещей», удобство вытесняет индивидуальность. Не ограниченное чувством меры потребление становится не просто способом удовлетворения потребностей, но приоритетной жизненной целью (с. 88).

Всё это верно, но в настоящее время в философии и социологии используется новый теоретический концепт, позволяющий более точно отразить современные процессы трансформации потребительских установок и логики социального поведения – понятие «общество впечатлений», разработанное Г. Шульце в начале 1990-х годов. В обществе впечатлений основной установкой для индивида становится интенсивное наполнение своей жизни разного рода переживаниями, человек нацелен на максимально глубокое и полное проживание собственной жизни. В развитых странах общество давно перешло от потребления к переживаниям и впечатлениям, и это уже совсем другая мотивация и совсем другие проблемы. Очевидно, этот процесс не обойдёт стороной и Россию.

3. В порядке обсуждения хотелось бы поднять в аспекте проблемы отчуждения вопрос о месте социальных сетей в жизни современного человека. Диссидент видит в усилении роли безличных способов контактирования (прежде всего через социальные сети) и ослаблении непосредственно личных связей причину отчуждения принятых в социуме нравственных ценностей от внутреннего мира человека (с. 85). В исследовании упоминается также о «компьютерной утопии» как форме отчуждения от существующей реальности, попытке уйти от проблем в виртуальные миры, в ролевые компьютерные игры (с. 100).

Если основываться на наши личные повседневные наблюдения, то возникает сомнение, действительно ли уход в виртуальные миры, в социальные сети является формой морального отчуждения. Не является ли виртуальное общение, наоборот, формой смягчения или даже снятия духовного отчуждения? Атрофия системы межличностных взаимосвязей, которая сопровождает человеческие отношения в капиталистическом обществе на любой стадии его развития, неизбежно приводит к моральному одиночеству, и современный человек снимает тяжесть одиночества в виртуальной реальности – через общение в социальных сетях. Возможно, ежедневное присутствие в таких

мобильных приложениях, как «Instagtam» и «TikTok», компенсирует психологическую и нравственную изолированность человека, создаёт некий моральный резонанс между людьми.

Исходя из этого, считаем открытый вопрос о том, является ли жизнь в соцсетях формой морального отчуждения, либо снятием морального отчуждения, либо иллюзией снятия морального отчуждения.

4. Представляется спорным утверждение автора, что «следует быть осторожными с использованием искусственного интеллекта и с самого начала ставить определённые общественные ограничения его применению (подобно существующему коллегиальному решению учёных о запрещении опытов по клонированию человека)» (с. 76).

Искусственный интеллект – это способность информационно-вычислительных систем создавать в ходе самообучения программы для решения задач определённого класса сложности и решать эти задачи без участия человека. Клон – живой организм, генетически идентичный другому и полученный путём бесполого размножения или партеногенеза. Когда речь идёт о клонировании человека, мы имеем в виду, что человеческие клоны, хотя и идентичны генетически, всё же не будут одинаковыми личностями, и это выводит проблему в сферу этики. Когда речь идёт об искусственном интеллекте, мы осознаём, что под интеллектом в пределах науки понимается только вычислительная составляющая способности достигать заданных целей. Сравнивать манипуляции с живым существом и вычислительную процедуру представляется некорректным.

В связи с этим полагаем, что рассуждения автора о том, что созданный человеком искусственный интеллект, являясь результатом его деятельности, отчуждается от него и начинает ему противостоять, превращаясь в аналог самостоятельности человеческой личности, – скорее, из области научной фантастики, нежели социальной философии.

5. В исследовании М.В. Заладиной показано, что во всех формах общественного сознания присутствуют утопические элементы. Они выступают необходимым условием творческого постижения и преобразования действительности, установкой на произвольное построение отчуждённого от реальности идеала (с. 110). Автор отмечает, что утопия, являясь проявлением отчуждения, формирует положительный социальный идеал общества без отчуждения, но это мнимое снятие отчуждения, поскольку носит иллюзорный, а не действительный характер.

В связи с этим было бы интересно узнать мнение автора по поводу антиутопической традиции в мировой культуре (вспомним, к примеру, роман Е.И. Замятиня «Мы»). Как можно охарактеризовать антиутопию в контексте проблемы отчуждения? Какова позиция автора по поводу того, является ли антиутопия отчуждением или преодолением отчуждения?

Отмеченные недостатки и возникшие вопросы не носят принципиального характера, не снижают теоретической и практической ценности работы. Представленное к защите исследование отличается высоким научным уровнем, выявляет ряд проблемных моментов, связанных с текущими преобразованиями

современного мира, которые подталкивают читателя к глубоким размышлениям и философским дискуссиям.

По теме диссертационного исследования опубликовано 23 работы, в том числе 5 статей в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов исследований кандидатских диссертаций. Содержание опубликованных работ раскрывает основные положения диссертации.

Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

Таким образом, диссертационное исследование «Социально-философский анализ духовного отчуждения» отвечает требованиям п. 9-11, 13-14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением № 842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а его автор – Заладина Марина Владимировна – заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Официальный оппонент

Редактор отдела по научной работе
Чебоксарского кооперативного института (филиала)
АНОО ВО Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»
кандидат философских наук, доцент

428025, г. Чебоксары, пр. М. Горького, 24
Факс 8 (8352) 41-98-93
E-mail: cheb@ruc.su

Э.В. Никитина

